

раскрывается красота иной, «вечной» жизни, старательно подготовленной для человека Богом (что так умиляет Некрасова в период его личных переживаний).

Смерть — одна из главных тем поэмы. Причем в ней показано целых три смерти: крестьянина, совершившего свой мужицкий жизненный подвиг, его вдовы, понесшей тяжкий подвиг русской женщины, наконец, схимницы в монастыре, отличившейся подвигом духовным. Говорится во введении и о близко ощущаемой смерти самого автора («А теперь мне пора умирать»), а также о смерти матери:

*Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умерала...*

Столь широко введенная в поэму тема смерти не только придает ей особенный драматизм, но и влияет на весь строй мышления автора, на необычное сочетание в ней бытового и мистического, реального и фантастического. Перед нами произведение, в котором сны теснейшим образом сплетены с явью, воспоминания и мечты — с реальностью, жизнь с мистикой смерти. Некрасов глубоко проник в неповторимый образ духовного мышления народа, представил в ярких картинах и образах основы так называемого «двоеверия» и народного Православия. В поэме отразился духовный опыт народа, в котором привычным, обыденным образом сочетаются язычество и христианство.

Мистический, ирреальный пласт поэмы Некрасова занимает в ней едва ли не большее место, чем изображение реальности. Собственно, обряд похорон, изображение крестьянской тяжелой доли, судьбы крестьянской женщины — во многом традиционны для Некрасова, но включены в какую-то новую художественную систему, преобразующую эти традиционные мотивы. На чем же строится эта система?

Чудесное, мистическое и в то же время таинственно-поэтическое — вот основа художественной стилистики поэмы. Чудесное зачинается еще во введении к поэме. Поэтическим описанием чудесного, таинственного она и завершается:

*Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,*

*Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный...*

Алогичное, непонятное с житейской, земной точки зрения, продолжается и в разговоре обо всех смертях, изображенных в некрасовской поэме. Нелогична смерть крестьянина Прокла — человека в расцвете сил, который трудился и трудом рук своих содержал жену, детей, родителей. В крестьянском доме упала несущая опора. Алогизм ситуации прежде всех чувствуют родители Прокла. Вот отец Прокла копает ему могилу и думает:

*Могилы на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»*

*(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать...»*

Перед нами не просто «ошибка», странный трагический случай. Некрасов показывает, что для родителей теперь померк белый свет, разрушился космос жизни:

*Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает...*

Смерть кормильца настолько трагическое для крестьянской семьи событие, что Дарья, которая отправилась в монастырь к чудотворной иконе выпросить у Пресвятой Богородицы жизнь для Прокла, крепко уверена:

*Нет, не попустит Царица Небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!*

Однако земная логика сталкивается с какой-то иной, более глубокой, но совершенно непонятной «логикой Духа». Умирает не только Прокл, но и, следом за ним, сама Дарья. С точки зрения земных обычных ценностей, совершенно «нелогична», противоестественна, странна смерть Дарьи, только что пришедшей с похорон мужа. Дети остаются сиротами, рушится второй «столп» крестьянской избы — «матка». Эти разрушения вопиющи. Встает вопрос о «справедливости» происходящего, о соблюдении хоть какой-то логики, правды и справедливости в этих смертях. Вопрос о справедливости так или иначе звучит в произведении Некрасова — и обращен к небесам, к Самому Богу, хотя Некрасов ставит его не в тексте, а всем логическим ходом поэмы. Некрасов ведет эту тему настойчиво, акцентируя свою мысль введением в текст поэмы эпизода смерти схимонахини. Место этого эпизода в композиции поэмы объяснимо лишь одним: желанием автора подчеркнуть мысль о том, что земная логика и Божий Промысл часто не совпадают: то, что с земной точки зрения кажется благом, в духовном смысле губительно, ничтожно — и наоборот. Кажется, что «несправедлива», «нелогична» смерть схимонахини, совсем еще молоденькой девушки («Спит молодая, спокойная... Всех ты моложе, нарядней, милей»). «Несправедливость» ее смерти автор подчеркивает словами Дарьи:

*Ты меж сестер, словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.*

В поэме умирают, уходят к Богу самые лучшие, самые молодые, самые нужные другим: слабым и убогим. В поэме витает вопрос: где же справедливость? Однако вопрос этот задает не автор! Вопрос зреет прежде всего в душе Дарьи:

*Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны,
Чем Ему дороги вы? ..*

Сам же автор как раз согласен с трагичностью жизни, согласен с тем, что Бог печется о людях лучше, чем они сами, с их своевольными желаниями, планами, стремлениями. Недаром в финале поэмы «Тишина» звучат у Некрасова строки:

*Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!*